5-й ГОД ИЗДАНИЯ. № 23 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮНЬ МОСКВА, Редакция: Тверская, 28 ● Телефон редакции 3-43-56 ● Контора: Солянка, 12, Дворец Труда. 1927 ГОД

БЕЗГРАНИЧНАЯ ЛЮБОВЬ

Рис. И. Малютина

ГЕРМАНИЯ:—Послушайте, сэр, да вы переходите границы!
ДЖОН БУЛЬ:—Еще не перехожу, но надеюсь, что при случае вы разрешите мне это сделать.

ДОСПЕЛ

Рис. Н. Радлова

— Когда будет готовое платье,—неизвестно, но я уже во всяком случае готов...

ГЕНИЙ И БЕСПУТСТВО

В ГОРОДКЕ, где прошли мои ученические годы, театральные рецензии в местной газете подписывал некто, укрывшийся за химическим псевдонимом „Озон". Помню, труппа, приезжавшая в городок на лето, ставила „Ревизора". Ставили плохо, и наибольшее дарование проявил суфлер, которого все время кто-то настойчивым басом просил с галерки соблюдать тишину; Христиан Иванович, лекарь, издавая свой классический звук, дышал на передние ряды мрачным запахом перегара и квасцов; Осип, луская семечки, заплевал во время монолога всю сцену, и шелуха целый акт трещала потом под ногами исполнителей, а на городничем были огнеупорные брезентовые брюки, вздувавшиеся на коленях и в другом, менее приличном, месте совершенно невозможными пузырями. Эти брюки сняли с пожарного, который стыдливо кутался за кулисами, прикрывая целомудренную наготу в римскую тогу, наспех сунутую ему в реквизитной.

Озон написал рецензию, в которой, отдав дань потрясающему таланту исполнителей, отметил указанные выше досадные шероховатости постановки, „являющейся все же светлым явлением на фоне Н-ской действительности".

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ актеры не выносят, однако, никаких „но" и „однако" в рецензиях; эти ехидные слова дразнят и раздражают их, как красная тряпка раздражает быка на арене цирка. Перед вторым спектаклем актер, игравший городничего, был мрачен, как демон, выпил, не закусив, а только понюхав корочку, стакан водки с перцем и избил парикмахера, прищемившего ему ухо париком. На сцене он держался нетвердо, как человек, ступивший на набережную после длительной качки в море, и оборвал бороду у одного из каявшихся купцов.

В последнем монологе, дойдя до слов о либералах и бумагомарателях, он выдвинулся к рампе и грузно оперся ногой на суфлерскую будку.

—... Дурака ему, дурака, старому подлецу! Эх ты, толстоносый. Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вот он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесет по всему свету историю! Мало того...

Он всем корпусом подался вперед и тяжелым, пьяным и ненавидящим взглядом уперся в литерное кресло рецензента.

— ...Найдется бумагомаратель, щелкопер, пачкун вроде господина, кажется... Кислорода из „Утра", звания не пощадит, в посмешище тебя выставит! Чему смеешься, сукин сын, над собой смеешься!..

— Сам ты пьяная морда! — плачущим голосом сказал из кресла Озон.

Дело их разбиралось у мирового. Актер заявил на суде что святое и чистое искусство ему дороже личного счастья, и он готов страдать за правду и за идею, но всегда бил и впредь будет бить морды хулителям благородной Мельпомены; он и здесь заметно был выпивши, называл Островского Сашей, плакал слезами, которые в сносках называются трагическими, и бил себя кулаками в грудь. Судья остался очень доволен представлением и оштрафовал его на два рубля с двенадцатью копейками судебных издержек.

БЫЛО это во времена, так сказать, еще доисторические. Теперь и актеры стали культурнее и газеты не те—давно перевелись в них пошловатые и жалкие Озоны, любое мнение которых стоило три рубля. Другой век, другие нравы, — но славные традиции театральных подмостков российского захолустья кое-где сохраняются, очевидно, и по сей день.

В Киеве состоялись недавно гастроли известного провинциального актера Блюменталь-Тамарина. Восемь раз под ряд шла, после всяческих фавнов, очень созвучная, как известно, нашей эпохе пьеса „Кин, или гений и беспутство". Рецензент местной газеты после восьмого спектакля, не выдержав, написал:

„Блюменталь-Тамарин держит большой талант в черном теле, кормит его престарелым репертуаром".

Блюменталь-Тамарина я помню с гимназических времен, видел его лет пятнадцать, примерно, тому назад. И тогда были те же Кины и фавны и „Женитьба Белугина". Пора бы, действительно, сменить вехи! Он талантливый актер, но „Кин" раз, „Кин" два — зачем же до бесчувствия?

ПИЛ ЛИ Тамарин водку с перцем перед девятым представлением, точно не выяснено: впоследствии он об'яснил свой поступок „чисто нервным состоянием". Так или иначе, дойдя в монологе Кина до места, где говорится о нравах прессы и кулис, он, выходя к рампе и указуя перстом на

рецензента, сидевшего в первом ряду, голосом, дрогнувшим от благородного негодования, прибавил **от себя:**

— И какая-нибудь полуграмотная мразь, **газетная сволочь**, может вас смешать с грязью!..

Озонов теперь нет, некультурными остались одни только гастролирующие Тамарины: рецензент ничего не ответил ему из кресел. Так можно пройти равнодушно мимо пьяного хулигана на улице, который пустит вам в лицо площадное слово. Но Тамарин этим не ограничился; вдохновясь он сочинил и послал в редакцию стишок, сплошь составленный из отборной, нецензурной и гнусной брани; самым приличным, кажется, местом в этом заборном тексте были слова о том, что „в ваш **публичный дом** опровержений посылать, конечно, я не буду". Его, де, **сам** Суворин хвалил, Горький о нем писал и Дорошевич, — что значит укус снесчастной какой-то, бездарной вши из газеты, которая самой природой предназначена к употреблению в местах, не нашедших для себя приличной цифры в арифметике!

Тамарина судили товарищеским судом в профсоюзе. Он держал себя „гордо", сослался на „чисто нервное состояние", и инцидент сочли исчерпанным. Киевляне, видимо, не слишком обидчивые люди: божья роса, говорят... А может быть не захотели, что называется, погубить семейного человека: жена, дети... Не знаю, есть ли дети у Тамарина: если есть, завидовать им при этаком папаше не приходится.

Неуважение к печатному слову есть первый признак некультурности человека. В библиотеке людям, которые напишут на полях страницы хоть одно слово из тех, какими заполнил этот заслуженный деятель искусства свои вдохновенные стишки, — больше не дают книг: зачем книга человеку, который не дорос до того, чтобы ее уважать? Не давать газет Тамарину нельзя: за пятак он купит ее на любом углу. Но **не писать** о нем в газетах, пока он не научится с должным уважением относиться к советскому печатному слову, — можно и так следовало бы поступить. Ни рецензий, ни заметок, ни об'явлений: пусть играет, что знает, и как хочет оповещает город о своем прибытии и спектаклях.

Это был бы лучший урок человеку, который забыл, в какое время и в какой стране он живет.

А. ЗОРИЧ

БЮРОКРАТ ЗА ОБЕДОМ

Рис. Ю. Ганфа

— **Какая сегодня повестка дня?**
— **На первое-с суп пейзан; на второе — рыбка грилье, соус тартар.**
— **А... текущие дела?**
— **Не держим-с. Патента нет...**

МЫСЛЬ О СНИЖЕНИИ

Рис. Ю. Ганфа

КООПЕРАТОР: — Поверите-ли, Марья Петровна, чем выше забираешься, тем приятней, а чуть дело идет на снижение, — сердце замирает!..

ЧУЖАЯ ДУША

Его сухое, невыразительное лицо с бесцветными, немигающими глазами своей неподвижностью напоминало маску. Никто не слышал, чтобы он когда-нибудь рассмеялся. Он говорил вполголоса, никогда не меняя тона, был скуп на слова и ограничивался лишь самыми необходимыми.

Он был педантичен чрезвычайно, злопамятен и придирчив. Он жестоко наказывал за самые незначительные провинности. Бывали случаи, когда случайный и ничтожный проступок вызывал увольнение со службы. Поговорить с ним по-человечески, разжалобить его было немыслимо.

— Бездушная гадина, — говорили о нем ненавидевшие его и смертельно боявшиеся служащие.

Каждый раз, когда кому-нибудь из них надо было по делу зайти в кабинет, на него смотрели, как на обреченного.

В те немногие дни, когда он почему-либо не являлся, в учреждении бывал настоящий праздник.

Раздавались оживленные, радостные голоса, слышался молодой смешок; даже замызганная курьерша необычно бодро шаркала башмаками.

Но приходил он, и мертвящая тишина охватывала все. Люди ходили на цыпочках, словно рядом находился тяжело больной: говорили украдкой и шопотом; невозмутимая пишущая машинка, и та постукивала осторожно и робко.

Редкий посетитель удостаивался приема, да и то после предварительной записи и доклада.

И вдруг в майский погожий день, когда беззастенчивое солнце словно нарочно отсвечивало на грудах бумаг и мешало работать, в канцелярию вошел оборванный и грязный китаец.

Он, очевидно, не понимал того, что ему говорили. В ответ на предостерегающий шопот и шиканье, он только оскалил зубы, тряхнул пестрой гирляндой сделанных из папье-маше обезьянок, чортиков, вееров и лент и невозмутимо прошел прямо в кабинет.

Учреждение замерло. Предчувствие непоправимого и страшного несчастья сразу пригнуло головы над столами. Первые минуты никто не нашел в себе достаточного мужества и самообладания для того, чтобы хоть что-нибудь сказать. Затем, постепенно приходя в себя, прислушались. Из кабинета донесся и снова умолк гортанный голос китайца. Затем любопытство победило страх. Кто-то из служащих робко и как-будто нечаянно приоткрыл дверь и украдкой заглянул в кабинет. И то, что он увидел, снова и окончательно потрясло его.

В кабинете на письменном столе рядом с китайцем сидел оживленный, сразу помолодевший и словно новый человек, дергал за ниточку игрушечную обезьянку, уморительно вздрагивал и по-детски широко и радостно улыбался.

И. КРЕМЛЕВ

В ТИПОГРАФИИ

— Что это, „тире“ больше не осталось?

— Да все телеграммы набирал про этих У-Пей-Фу, да Чжан-Цзо-Лин, да Чан-Кай-Ши...

СТРОГОЕ ВОСПИТАНИЕ

— А почему, бабушка, мне в этот кооператив нельзя?

— Да там вот, давеча в газетах писали, вакханалия цен происходит!

АВАНТЮРНЫЙ РОМАН В РУССКОМ СТИЛЕ

1. Трезвый взгляд на современную литературу

НАДОЕЛО быть поэтом — и до одури башки наполнять пустым сюжетом легковесные стишки!

Рифм запутанные нити—суесловье и дурман: нынче нужен (извините!) приключенческий роман.

Глупый скептик скажет:

— Ой-ли?

Но ясней, чем фунт конфет:

— Бенуа и Конан-Дойли, а не Пушкин и не Фет!

Для души и для кармана — помни, жаждущий добра:

— Авантюрного романа нынче гордая пора.

2. Нижеизложенные выводы из вышеозначенных мыслей

НАДОЕЛО быть поэтом...

И набросивши пальто я бегу к авторитетам:

— Об'ясните, как и что? Я брожу во мгле тумана... Вызволяйте, мудрецы: авантюрного романа в чем начала и концы?

И без лишних загогулин, все об'яв в один присест, говорит мне Лев Никулин, Бенуа российских мест:

— Без подробностей сумбурных об'ясню вам тре-шарман: суть романов авантюрных — авантюра и роман!

. . . .

3. Автор выводит своих героев

МОЙ герой—не вон из ряду: Моисей Ионыч Грот — по десятому разряду незаметный счетовод.

Нравом прост. Умом разиня. И немножко ловелас...

Но зато уж героиня—то, что надо. Первый класс.

Крутобедра. Черноброва. С виду — чорт ее дери! Марь Семенна Осетрова—Мери Пикфорд из Твери.

Ну-с, живут пока в разладе: каждый в собственном жилье.

Грот торчит весь день на складе.

Мери ходит в ателье.

У нее свои подружки. У него своя черта. И покамест друг о дружке и не знают ни черта!

4. Совершенно неожиданно завязывается роман

ВОЕТ ветер, воет бурный: стон земли и неба раж...

(Раз роман мой авантюрный,—значит, нужен антураж!)

Битый час по крайней мере, прячась в легкий сатинет, ждет трамвая Пикфорд Мери — а трамвая нет и нет.

Злей бушует непогода, пыль вздымая вдоль дорог. .

Вдруг: героя-счетовода в помощь шлет лукавый Рок и, весов качая чашки в счетоводовском лице, предлагает ей, бедняжке: отвезти на извозце.

— Ишь, погодка: наказанье! Тут имей хоть талисман..

(Так вошел в мое сказанье первым фактором роман).

5. Героиня толкает героя на авантюру

ДНИ летят. Бегут недели, как штрихи карандаша...

От томленья сохнет в теле счетоводова душа.

Ибо холодно и гордо, тоном лэди с Риджент-Стрит:

— Я в мужья хотела б лорда!— Мери Пикфорд говорит.— Нужен нам, кино-принцессам, света блеск и прессы гам... Мы приучены к дюшесам! Мы привычны к жемчугам! А на ставку по разряду (минус вычеты в союз!) можно только выпить яду, а не жаждать брачных уз!

Дни летят, бегут недели...

Но с упорством мелюзги счетовод хоть сохнет в теле, но ворочает мозги:

— Раболепно не паду-мол перед мачехой-судьбой!

И представьте ведь: надумал — как то так, само собой.

— Мол, момент и кон'юнктура... Мол, направивши ладью...

(Здесь и входит авантюра в быль правдивую мою).

6. Интрига запутывается так, что сам автор ни черта не понимает

ГРОТ набросился, как тигрик, на свою идею-фикс...

То у Грота — частник Игрек.

То у Грота — частник Икс.

Спор о качестве, размере, ценах, скидках и счетах...

Но зато у Пикфорд Мери смех не смолкнет на устах.

Мери в волнах фай-де-шина. Мери в шелке-либерти. И несет на два аршина Лориганом-де Коти.

В чем тут тонкость авантюры: кто, и как, и что к чему, я — как грубые натуры — сам, признаться, не пойму.

Не пронырлив и не колок затуманенный мой взор:

Я — писатель. Я — психолог. Я — пардон!— не ревизор.

7. В повествование вторгается непредвиденный фактор

Я — ПИСАТЕЛЬ. Я — психолог. Я бы должен сей же час дать звонок, задернуть полог и закончить свой рассказ. Поступив по всей проформе, я замкнул кольцо в кольцо:

Романтичность — в полной форме.

Авантюра — налицо.

Но уже—простите!—поздно. Стилистический позор: в мой рассказ ворвался грозно новый фактор — ревизор.

Я обставлен! Я обжулен посторонними людьми...

Лев Никулин! Лев Никулин! Вызволяйте-ж, чорт возьми!

8. Автор приходит к непатриотическому заключению

ЖИЗНЬ идет своей дорогой, извиваясь, как ремень:

Счетоводу — год со строгой.

Мери с Игреком — в Тюмень.

Икса собственно в Житомир... Да от жутких перспектив не дождался он и помер, захватив в дороге тиф.

Очень просто. Так-то, дети...

И событий этих нить все Никулины на свете неспособны изменить!

Я тут, планов понастроив, сел, пишу, творю...

И вдруг — входит суд и всех героев рассылает из-под рук!

Вновь бреду во мгле тумана...

Нет уж, видно, никогда ж авантюрного романа в нашем стиле не создашь!

Знать, своя у нас натура и традиции свои.

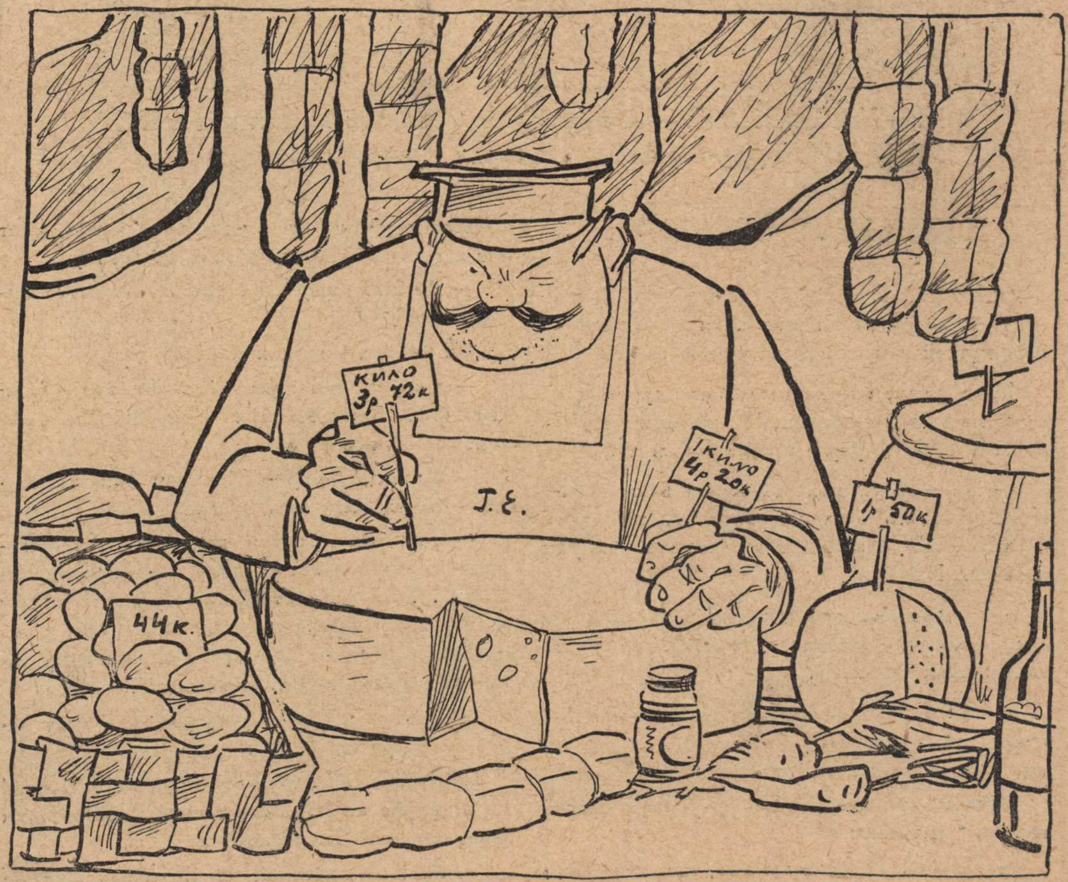
— Где роман и авантюра, там сейчас и РКИ!

А. Д'АКТИЛЬ

ДИТЯ, ТОРОПИСЬ, ТОРОПИСЬ!

Рис. Б. Антоновского

За неснижение цен в Москве привлечено к ответственности свыше 100 кооперативов.

— Нужно поскорее привлечь покупателей, а то они меня привлекут.

СОЦИАЛ-МАНИКЮР

Рис. Б. Ефимова

БРИТАНСКИЙ ЛЕВ:— А почему вы розовым лаком кроете?
МАКДОНАЛЬД:— Простите-с, старая привычка...

НАГЛЯДНОЕ ОБУЧЕНИЕ

Пообедав и выпив две чашки чаю, Звягинцев водрузил на нос очки с веревочной перемычкой и принялся за чтение газеты.

Жена у плиты мыла послеобеденную посуду, а шестнадцатилетний сын Мишка сидел пообок стола и читал „Луну с правой стороны".

— Да,— сказал полчаса спустя Звягинцев.— В Китае опять эдакая чересполосица. Однако, Фун-Юн-Сай, пожалуй, как пить дать, накрутит бока Чан-Кай-Ши.

— Господи!—проговорила жена, опрокидывая для просушки тарелки.— И имена то у них какие: язык сломаешь.

— А им по нашему, скажем, Иван там Петрович не выговорить .. Гм, гм, гм!.. Опять тут еще Сун-Чуан-Фан гадит.

Мишка отложил влево „Луну с правой стороны" и сказал:

— Папаня! Об'ясни ты мне, где эти Чаны да Лины находятся? Насчет „Луны" да „Собачьего переулка" это я могу разобраться, а вот тут хоть зарежь никак в толк не возьму.

— Да это проще простого. Конкретно выходит так.

Он окинул взглядом комнату.

— Скажем, вон платяной шкаф, это — Сун-Чуан-Фан. Влево этажерка—Чан-Кай-Ши, а вот самовар Фун-Юн-Сай.

— Значит, шкаф — Сун-Чуан-Фан, этажерка...— начал повторять Мишка.

— Так, так. Теперь водопроводная раковина—Шанхай, плита—Сватоу, помойное ведро—Вузун... Ты и считай, если Сун-Чуан-Фан пойдет из платяного шкафа к плите, то Ханькоу —моя кровать будет как раз ему на дороге и тут же самовар Фун-Юн-Сай. Понимаешь?

— Понимаю. Но у самовара же в тылу помойное ведро находится?

— Правильно! Это и есть трудная операция! Но этажерке не миновать так же и той вязанки дров, что есть Чжан-Цзо-Лин.

— Ага! А платяной шкаф тоже поди не дремит?

— Еще бы! Однако, к нему на перерез от водопровода идет плита...

— Стой, стой!— закричал он на жену.— Ты самовара не убирай, наш фланг не обнажай.

Мать махнула на политиков рукой и пошла спать. Когда она проснулась через два часа, отец и сын все еще сидели за столом и, отчаянно жестикулируя, рассуждали:

— Хорошо! Пусть помойное ведро лезет на дрова, но ему же от кровати достанется?

— А ты забыл, что мы этажерку можем передвинуть сюда!— с горящими ушами перебил сын отца.— Передвинуть сюда, подложить ей дров и залить все это самоваром?

— А платяной-то шкаф, платяной-то шкаф куда ты дел? А? Я тебя спрашиваю?

И поднял многозначительно палец.

ВЛ. ТОБОЛЯКОВ

О ТОМ, О СЕМ...

РЯД ВОЛШЕБНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

— Слышали, Вучаткин получил место...
— Да ну!..
— Место на курорте...
— Отлично.
— Да, но место курьера.
— И то хорошо...
— Но его уже сократили.
— А-а-а...

В КОЛБАСНОЙ

— Мне бы четвертушку.. Да свежая ли она?
— Бери, бери! От четвертушки не отравишься.

ТИХИМ ШАГОМ

— Почему вы до сих пор не выехали к месту службы?
— Человек-то легко может проехать, а вот бумаге проходить нужно.

ТРЕЗВЫЙ ВЗГЛЯД

— Ах, какую чудную книгу мне давеча показывали! В десяти магазинах я ее потом искал, и нигде нет!
— В десяти магазинах искали и не нашли? Так эта книга, должно-быть, жалобная была.

ВСЕ УДОБСТВА

— Вы комнату с услугами снимаете?
— Да... С медвежьими!

КРАСНЫЕ ВОРОТА СНОСЯТСЯ

Рис. М. Черемных

В Москве у Красных ворот нанимались неорганизованные приезжие рабочие сезонники

ПОДРЯДЧИК:—Ну теперь никто не скажет, что я нанимаю каменщиков от ворот!

НА РАСПУТЬИ

Рис. Радлова

(СОВРЕМЕННАЯ БЫЛИНКА)

— Эх... Направо пойдешь — время потеряешь, налево пойдешь — направо пошлют. Прямо пойдешь,— просто не впустят...

СТРАШНЫЕ РАССКАЗЫ

ЧЕЛОВЕК я не суеверный. Почти с детского возраста перестал верить во всякого рода страхи и даже приметы. Меня, например, не смутил рапорт милиционера усольской милиции, посланного на расследование убийства некоего гр. Кобелева, который сообщает:

„Доношу, что сего числа я прибыл к месту происшествия и вижу: убитый Кобелев идет ко мне навстречу“.

Или донесение усольской милиции нарследователю о том, что:

„На Ивановском кладбище в Усолье от разорвавшейся гранаты чуть не пострадал покойник Егоров Михаил“.

Но представьте себе, в последнее время, при чтении провинциальных газет, я испытываю иногда состояние, очень похожее на страх...

Не верите? Извольте убедиться сами...

Таинственная рука

НОЯБРЯ, 22 дня, 1926 года, почтовое отделение города Ижевска, вместе с сотнями посылок, получило посылку из Москвы, адресованную облздравотделу, в которой находилась рука.

Ноября, 26 дня, оного же года, облздравотделу была вручена повестка от почтового отделения о посылке.

Тотчас же на уведомлении была наложена резолюция:

— „Доктору Хлопотову. Козловцев“.

Ровно через две недели после этого уведомление очутилось в бухгалтерии облздрава с двумя новыми резолюциями. Одна из них гласила:

— „В бухгалтерию. Прошу выкупить. Хлопотов“.

Другая:

— „Посылка ценная—50 руб. Доверяется получить Воронову. Зам. завоблздрава Козловцев. Доктор Хлопотов“.

Отсюда уведомление пошло путешествовать: сначала к регистратору, затем к деловоду, потом к секретарю.

Было уже 7 января, а таинственная рука продолжала еще лежать в посылке на почте.

Была же предназначена рука сия безрукому инвалиду Андрееву.

Не спрашивайте, сколько инвалид Андреев бился, пока ему выписали эту руку, и сколько времени он ожидал прибытия ее из Москвы. Об этом можете судить хотя бы по тому „отрезку времени“, в течение которого рука из Москвы лежала на ижевской почте...

Нога мертвецу

В РАЗГАРЕ борьбы с бандитизмом тамбовский парень потерял ногу.

Оправившись после операции, он подал заявление о выдаче ему искусственной ноги.

Было это **в апреле 1919 года.**

Безногий парень стал ждать ноги. Ждал он ее около двух лет и, не дождавшись, умер.

Умирает, как известно, человек, но не умирает „входящий №“.

Заявление парня, зарегистрированное во входящем журнале 16 апреля 1919 года, дождалось таки своей очереди.

30 апреля 1927 г. „исходящая“ бумага была отправлена по адресу, указанному во „входящей“ от 16 апреля 1919 г.

И гласила эта „исходящая“:

„Секция протезирования Губздрава предлагает Вам явиться в местную Тамбовскую протезную мастерскую, а предварительно в секцию протезирования“.

Несчастная мать покойника явилась с извещением в РКИ:

— Не заслужили ни я, ни умерший сын мой издевательства такого,—сказала она.— Если помочь не могли, то хоть не смеялись бы...

РКИ вызвала кого следует для об'яснений. Но об'яснения были коротки и лаконичны:

— Мы не можем знать, кто жив и кто умер. У нас инвалидов две тысячи, а на переучет их денег не отпускают...

—И ВОВСЕ не страшно все это,— скажет кто-нибудь, прочитав наши рассказы,— а скорее смешно...

Смешно?

Да, „все это было бы смешно, когда бы не было так грустно“...

ГР. ЛЬВОВИЧ

АКТИВИСТ

— Я все-таки заставил их снизить цены.

— Как?

— Да кассирше за мясо один двугривенный фальшивый сдал!

ПОЛ-ВОПРОС

— Разрешите спросить касательно полвопроса?

— Уж лучше десять целых вопросов задавайте, чем тот проклятый полвопрос!

ЗВЕЗДОЧКЕ ПОСОЧУВСТВОВАЛ

Рис. И. Малютина

— Свет этой звезды достигает земли только через 5 лет.
— Несчастный! Сколько-же инстанций ему приходится проходить по дороге!

ВЫДЕРЖАННЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ

Рис. А. Радакова

— Нет, не возьму я у вас этого кенаря. Он у вас желтый какой-то. Мелкобуржуазно-соглашательский.

ЕДУ! ЕДУ! ЕДУ!

Мимо, вывески и булки,
Шляпы, галстуки, забор!
Зарываясь в переулке,
Режет путь таксомотор.

— Эй, носильщик!
Вот молодчик!
Настоящий сын земли!
— В жестком! Пятое! До Сочи!
Вещи—на спину, пошли.

Бомм!
— Взял ли туфли?
— Все в порядке!
— Напиши же!
Чорта с два!
Только б двинуть без оглядки,
Отряхнуть тебя, Москва!

Жизнь все честно „увязала":—
Солнце в окна бьет в упор.
Из под Курского вокзала
Выплываем на простор...

АЛ. МАКЕДОНСКИЙ

„СОСТАВИЛА ПАРТИЮ"

Внучка бывш. императора Франца-Иосифа записалась в партию эсдеков.

Из газет

Не даром мы характер
века
Давно „капризным"
именуем:
Буржуи тянутся к эсдекам,
Эсдеки тянутся
к буржуям!

Н. КОП-Й

„СВОБОДНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛ"

Квартплата с попов взимается, как с лиц свободной профессии.

— Чему тут удивляться, други?
Чай, льготы сей достоин я стократ:
Врачую я духовные недуги,
А также—пред богом адвокат!

Ф.

ПОБЕДА ЖЕНЩИНЫ

С ТОЙ поры, как кончилась гражданская война и начался НЭП, — с тех пор я беспрерывно в боях. Боролся с самогонщиками, дрался за качество продукции, бился с хулиганством, боролся за вежливость, дрался с бюрократистами и последнее время дерусь с ценами. И, по правде сказать, если с вышеперечисленными врагами у меня кончилось дело мирно, т. е. без всяких кровопролитий, просто, так сказать, взял их в плен и крышка, — то с ценами у меня обстоит гораздо хуже.

Как вам известно, я заведую продуктовым магазином „Красная Победа" № 4, у железнодорожного садика на отлете. Хорошо. Приказано снижение цен произвести. Пожалуйста. Слушаюсь.

Приказ к делу подшил, а цены, конечно, остались прежние. Только через две недели слух пошел, что, якобы, приехала в город ревизия и ходит по магазинам инкогнито, переодевшись. Кто снизил цены, тому дают благодарность с пропечатанием в газете, а кто не снизил — того в тюрьму сажают с пропечатанием в газете. И пробудет эта ревизия, якобы, три дня. Хорошо...

Отдал я, конечно, приказ цены на товары снизить на 20%—отчего благодарность не получить? Покупатель—гад; то не ходил к нам, а то густо попер—обрадовался дешевке.

В особенности мне приметилась женщина средних лет в шерстяном клетчатом платке. Больше всех она покупала товару. Три дня прошло, мы цены, конечно, обратно восстановили, а кое на что так даже и набавили.

А только ни в тюрьму не сажают и благодарности нет ни от кого.

▼

Прошел месяц и опять повторился этот слух про ревизию, и опять пришлось снижать цены на три дня. И на этот раз из всех покупателей самая заметная — женщина в платке клетчатом... И опять ни благодарности, ни в тюрьму.

Тут-то и нашло на меня прояснение, и сам с собою рассуждаю:

— На кой чорт ревизии в наш город ездить? Городок наш дальний, грязный, ни меду в нем, ни шкур звериных, ни ягод. Все у нас привозное. Нет никакого интереса для ревизии в нашем городе.

Порассудив так, стал я добиваться, кто слух пущает про инкогнито.

Толкался, толкался, и что же оказалось, — женщина в клетчатом платке, что больше всех товару забирала,—она во всем виновата! От нее все и исходило. Чорт возьми! Конечно, досадно не то, что в течение двух месяцев шесть дней со снижением торговали, а обидней, что эта женщина в клетчатом платке — нэпманша проклятая— у вокзала бутербродами торгует... Обиднее всего, что эта нэпманша меня, боровшегося и с бюрократистами, и с хулиганствами, и с вежливостью — все-таки хоть на короткий срок, а одолела!

Вот, что досадно, и никогда я себе этого не прощу!

Б. ЛЕВИН

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

Маца и деторождение

БАКИНСКИЕ синагогальные раввины, канторы, шамесы, меламеды и ешиво-бохеры ополчились на горских раввинов, канторов, шамесов, меламедов и ешиво-бохеров.

Те и другие спекулируют мацой.

Однако, бакинские мацисты перехитрили горских. Они громогласно об'явили в синагоге:

— Женщины! Знайте, что, если вы покушаете горской мацы, так—которая из вас хочет иметь детей — никогда их иметь не будет, которая же не хочет—будет их рожать без конца...

Ах, почему мамаши этих бакинских еврейских пророков не кушали той самой горской мацы, которая своевременно предупреждает деторождение...

Проектом по голове

КОГДА человеку не здоровится,—он шлет в газеты плоды своих размышлений..

Так, некий гражданин Т. прислал в „Амурскую Правду" величественный проект: „как уничтожить контрабанду спирта?"

Сейчас у нас очень много контрабанды. Особенно спирта. Нужно это прекратить. Сделать нужно так.

Каждый, кто покупает в винной лавке бутылку водки, тому выдается ярлык. А после этого, кто замечен, что он выпивши, у него спрашивают ярлык.

Если у него ярлык есть, он идет свободно, а если нет, то он привлекается, как за контрабанду. Тоже и служащие.

Нужно также изобрести и формы ярлыков для известной категории прожектеров...

Если прожектер без такого ярлыка, то граждане могут свободно с ним встречаться и даже беседовать о погоде или о снижении цен; если с ярлычком—необходимо немедленно перебегать на противоположную сторону, взобраться по водосточной трубе на крышу и нырнуть в первое попавшееся дымоходное отверстие...

Таков, по крайней мере, наш проект спасения от прожектеров, — такой-же несложный и общедоступный, как ярлык...

ДО ЧЕГО ДОВЕЛИ...

Рис. Н. Радлова

— Господи! Вот уж не думала – одна единственная школа на всю Москву!..

Держитесь крепче, читатель!!

ТА-ЖЕ „Амурская Правда" вообще жалуется на местных графоманов...

Вот, например, какие стихи присылает по словам газеты „дельный ценный корреспондент"—ко дню работницы:

Держитесь крепче, женщины...
За вами идет военщина.
Держите крепче знамя...
У вас не вырвет уж никто...
За вами идет военщина!.. и т. д.

Еще крепче должна держаться женщина, когда за ней идет эдакая рифмованная корреспондентщина...

На...рымский папа

В „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЕ" появилась как-то фотографическая карточка девочки и следующее об'явление:

РАЗЫСКИВАЮ ОТЦА: Я, Майя Смирнова-Сухова, 1 года от роду, разыскиваю своего папу Г. И. Смирнова, на предмет взыскания с него причитающихся мне алиментов. Прошу всех папашиных знакомых и друзей сообщить мне его адрес в г. Тверь, Вагжановская мануфактура, кор. № 3, ком. 97, Евдокии Суховой.

Будучи честной пролетаркой по рождению, я очень даже удивляюсь, почему папа зажиливает какие-нибудь 15 рублей в месяц и улепетывает от исполнительного листа, как нэпман от фининспектора. Добавляю, что если бы я знала раньше характер папы, ни за что бы не родилась. Но факт моего существования налицо (см. мою фотографию) и я, волей-неволей, должна давать настоящее об'явление. *Майя Смирнова-Сухова.*

Об'явление наделало много шуму—о нем говорили в губкомоле, районах, везде, где знали Смирнова, как работника губернского масштаба, завполитпросвета губкомола и т.д.

Через некоторое время от Смирнова, занимающего сейчас ответственный пост в Ташкенте, дочь получила записку следующего содержания:

Слушай, Майя. Ты говоришь, что если бы знала, то не родилась... Правильно. Уходи назад, откуда пришла, а не треплись напрасно. Тем более, что и русского имени Майя нет. Это—сучья кличка. Смирнов.

И такой славный симпатяга-папаша сидит где-то никому невидимый на ответственной службе в Ташкенте!

Разве это дело для него?

Уголовное дело—вот это дело для Смирнова!

И не следует этого дела оттягивать!

А нельзя-ли... при открытых дверях?..

НЕКИЙ врач венеролог Фридланд выпустил сборник всяческой венерической пошлятины под заглавием „За закрытой дверью"...

Чтобы придать своей профессии и своим рассказам особый смак, Фридланд с серьезным видом рассуждает о том, что еще пророк Моисей занимался венерологией, о чем в ветхом завете имеется, по свидетельству нашего развязного автора, особая глава. Этим же почтенным делом занимался впоследствии и „мудрый царь Соломон". А до Моисея и Соломона венерологом был никто иной, как патриарх Авраам, по молитве которого грозный Иегова исцелил от венерической болезни Сарру, египетского фараона Авимелеха и всех его служанок.

Венеролог Авраам роди венеролога Исаака, венеролог Исаак роди венеролога Якова, венеролог Яков роди венеролога...

Словом, в конце концов, родился венеролог Фридланд и роди, с своей стороны, нечистоплотную книгу „За закрытой дверью"...

И советский врачебный мир укажет автору именно... на дверь!..

Сам берет!

БЫВАЮТ-ЖЕ города на свете!..

Азербейджанская РКИ, разбираясь в производстве Азеритиффака, нашла счет, на котором была отмечена странная станция назначения:

— Самберет.

Кто это „самберет", почему эти два слова пишутся вместе и что эта галиматья значит?!

РКИ выяснила, что товаровед этим странным словом хотел обозначить: „товар мы не должны никуда отправлять — покупатель сам берет".

САМВЫС — так мы будем впредь именовать подписчика, который сам высылает подписную плату на „Смехач".

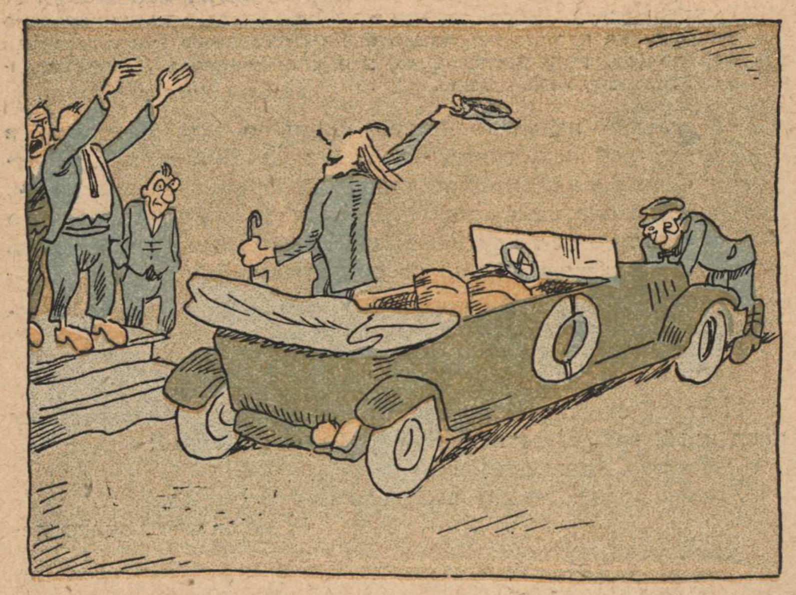
Самвысы, торопитесь!.. За месяц—60 к. Адрес — на первой странице... Всего!..

Издатель — „ГУДОК". Отв. редактор — И. Н. Пирогов.

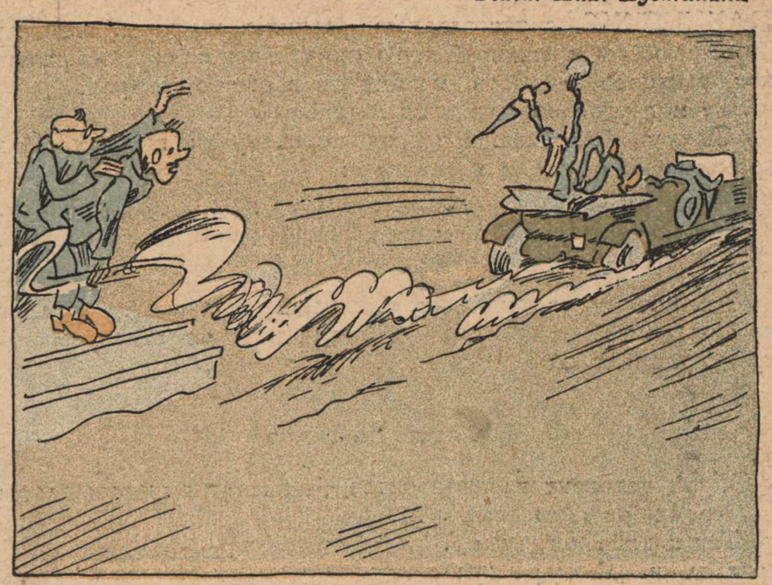
Главлит № 89.692. Типо-хромо-литография „Искра Революции" Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипповский пер., д. 11. Тираж 110.000 экз.

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В КРУГОВОЙ ПОЛЕТ

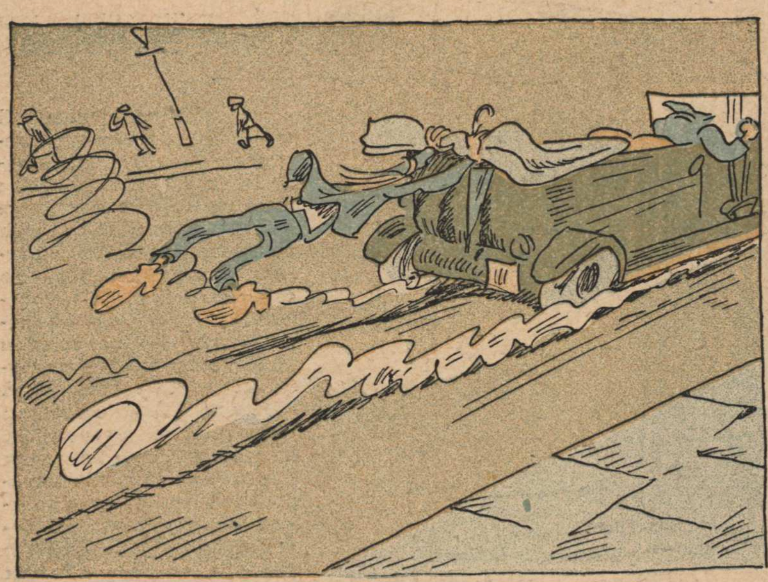
Рис. Б. Антоновского — *Текст Мих. Пустынина*

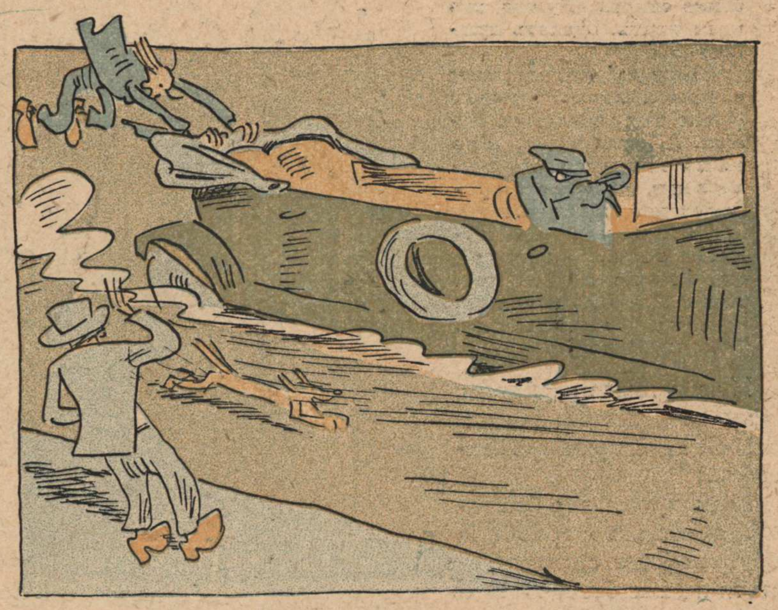
1. Хоть до полета — 5 минут,
Евлашу тискают и мнут.
Ворчит шофер: — „Кончать
пора!“,
А Надькин все кричит: —
„Ур-ра!“
В полет собравшись круговой,
Евлаша тост закончил свой
И прыгнул—ловок, легок, скор—
Как метеор, в таксомотор!

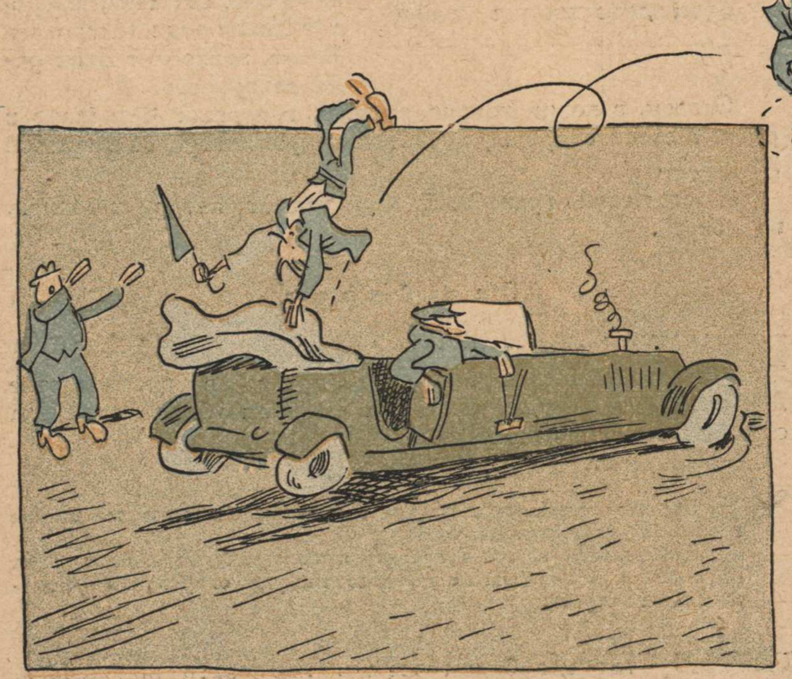
2. В руках Евлаши—-верный зонт.
Призывен дальний горизонт...
Евлаша руки распростер:
— „Какая ширь! Какой простор!
Шофер! Гони быстрее, друг!“
Гул. Грохот. Рокот. Ветер.
Вдруг—
Ухаб... И, под мельканье шин,
Подпрыгнул Надькин на аршин.

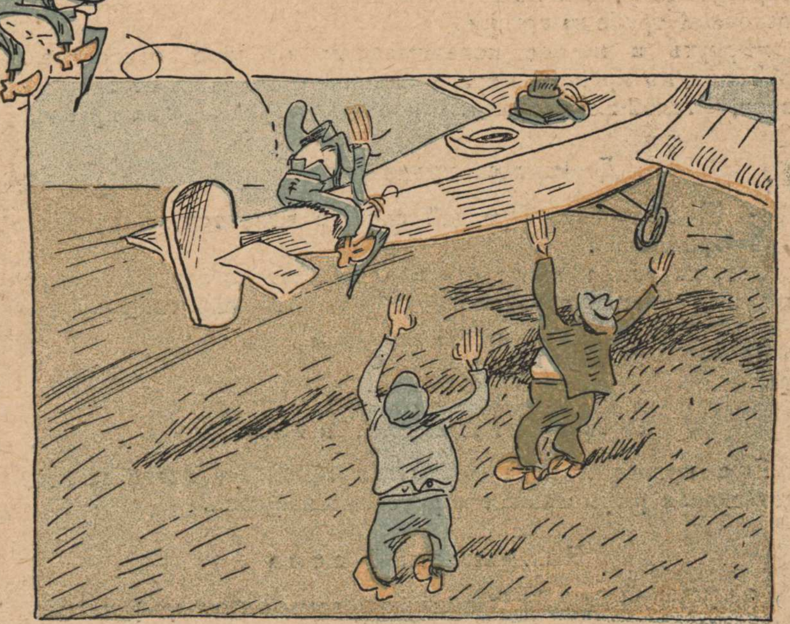
3. Давно-ль Евлаша был—ездок?
Теперь—вцепился он в задок!
Ну, а шофер не дремлет: он
Машину мчит на стадион.

4. Шофер всему проклятья шлет:
— „Не опоздать-бы на полет!“
А Надькин треплется, чуть цел:
Он до полета... полетел!

5. И как ни силился шофер,
Стихиям всем наперекор,
Попасть к отлету, но (скандал!)
На пол-минуты опоздал!
На всем ходу, что было сил,
Машину он затормозил.
Евлаша, получив тычка,
Вдруг прянул в воздух от
толчка.

6. Обескураженный шофер
Вперяет в небо острый взор,
А там — Евлаша, в высоте—
На самолетовом хвосте...
Евлаша совершил полет
С автомобиля—в самолет!
Вот это—ловкость! Это—прыть!
Такую ловкость нечем крыть!..